

ходятъ, повидимому, добротными, но это только—повидимому; при малѣйшей сырости, при первомъ же дождѣ, они „грубѣютъ“, дѣлаются тверды, какъ дерево и затѣмъ трескаются. — Если домашнихъ рабочихъ не хватаетъ для прокатыванія кожъ, ихъ отдаютъ для этого въ люди, платя за каждую по 3—5 коп., смотря по времени года, а также по величинѣ и плотности кожи.

Остатки отъ выдѣлки кожъ—соскобленную съ нихъ шерсть и мездру производители продаютъ, кому понадобится. Шерсть покупается мѣстными войлочниками; выходитъ ее копѣекъ на 50 съ каждого зольника въ 22 кожи, а мездру въ настоящее время забираетъ курскій купецъ Сапуновъ, по 40—60 и даже 1 рублю за пудъ; съ 22-хъ кожъ мездры кожаной выходитъ обыкновенно около 1½ пудовъ.

Сопожники описываемаго нами района работаютъ только одинъ черный, „чеботарный товаръ“ т. е. простые, мужицкіе сапоги, на потребу сѣрой деревни. Чистый же городской товаръ идетъ на рынки южной Россіи изъ кийрскаго, корчевскаго и дмитровскаго районовъ Тверской и Московской губерній.

Чеботарный товаръ, изготовляемый нашими слободскими кустарями раздѣляется на два сорта: *черный* и *выворотной* или *пидлѣнный* сапогъ. „Черный“ сапогъ иначе называется *гвоздевымъ*, потому что подметка у него прикрѣпляется къ хлявамъ гвоздями. Сортъ черныхъ сапоговъ имѣетъ, въ свою очередь, два подраздѣленія: *прикройный* сапогъ и *вытяжной*. Разница между ними заключается въ томъ, что у прикройнаго сапога „переды“ дѣлаются приставными, пришиваются къ хлявамъ, тогда какъ въ вытяжномъ сапогѣ переды съ передней хлявой дѣлаются изъ одной кожи, которая нарочно для этого вытягивается на *класачь*. Естественно, что вытяжные сапоги цѣнятся дороже прикройныхъ, такъ какъ они и прочнѣе этихъ послѣднихъ, и требуютъ нѣсколько большаго количества кожи, чѣмъ прикройные, на которыхъ переды дѣлаются обыкновенно изъ обрѣзковъ, остающихся отъ выкройки и вырѣзки хлявѣвъ.

Выворотной, „пидлѣнный“ сапогъ представляетъ въ высшей степени оригинальное явленіе, свойственное, кажется, исключительно только нашимъ черноземнымъ сапожнымъ районамъ. Изготавливается онъ такимъ образомъ: когда сошьются переднія и заднія хлявы, сапожникъ слегка смачиваетъ ихъ водою и выворачиваетъ ихъ „наниче“, на изнанку, и затѣмъ дратвой пришиваетъ къ нижней части ихъ легкую, тонкую, однородную подошву, какъ это дѣлается обыкновенно съ башмаками; затѣмъ сапогъ снова „выворачивается“ на лицо (отсюда и особое техническое названіе—„выворотной“ сапогъ), насаживается на колодку и сушится въ такомъ видѣ въ теченіе 2-хъ часовъ. Подошва гвоздями не пробивается. Задники у такихъ сапоговъ только слегка притачиваются къ передамъ и хлявамъ, но не строчатся, а, вмѣсто этого, по нимъ мѣстами только проводятся *писачкою* дорожки, которыя изображаютъ собою фиктивные швы. На каблукъ идетъ мездра, соструганная съ кожи, и разные тонкія обрѣзки, которыя склеиваются простымъ клеемъ и сбиваются въ одну кучу, снаружи очень плотную и крѣпкую; сверху каблукъ смазывается еще разъ клеемъ и затѣмъ лакомъ, такъ что, съ виду, каблукъ и вообще весь сапогъ выходитъ хоть куда, кажется и крѣпкимъ и прочнымъ,—знай, носи только. На самомъ же дѣлѣ его можно проносить „развѣ только съ пятницы до субботы“, какъ совершенно справедливо, не безъ ироніи надъ своей работой, говорятъ сами же производители, знающіе болѣе чѣмъ, кто-нибудь другой, цѣну своей работѣ. Прекрасно также знаютъ всѣ недостатки этого сапога и его постоянные потребители—крестьяне южныхъ губерній, и если, не смотря на это, все-таки рѣшаются покупать его, то только потому, что цѣнить здѣшнюю выдѣлку кожи и кройку сапога. Среди тамошнихъ крестьянъ сложилась даже специальная поговорка на счетъ михайловскаго сапога: „вся цѣна ему (т. е. работѣ, шитью)—грошъ, да фасонъ-то у него хорошъ“. Потребители знаютъ, что носить сапоги михайловскіе и миропольскіе въ томъ видѣ, какъ они выходятъ изъ мастерской производителя, рѣшительно невозможно—„подметки